

Д. С. Мережковский

Маков цвет

Драма в 4-х действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Маков цвет: Драма в 4-х действиях / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-2329-0

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2329-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
МАКОВ ЦВЕТ
ДРАМА В ЧЕТЫРЕХ
ДЕЙСТВИЯХ

*В голубые священные дни
Распускаются красные маки.
Здесь и там лепестки их — огни —
Подают нам тревожные знаки.
Скоро солнце взойдет
Посмотрите —
Зори красные
Выносите
Стяги ясные
Выходите
Вперед
Девицы красные
Красным полымем всходит Любовь
Цвет любви на земле одинаков
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганных маков¹*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

18 октября 1905 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Арсений Ильич Мотовилов — профессор — филолог. Под шестьдесят. Худой болезненный, нервный. Не без благородства.

Наталья Петровна — жена его. Тихая, скорее полная. Не суетлива, проста.

Дети их:

Анна Арсеньевна Бунина — лет 30. Увядшая восторженная, всегда в волнении, вдова.

Соня — бедная, худенькая нервная девушка лет 25.

Андрей — студент. Обыкновенное, молодое лицо.

Петр Петрович Львов — генерал-лейтенант, брат Натальи Петровны. Добродушен без военной выправки.

Иосиф Иосифович Бланк — еврей. Молод но не юноша. Говорит без акцента.

Евдокимовна — старая нянька. Готовит и заведует хозяйством.

Фима — молодая деревенская горничная.

Действие происходит в квартире Мотовиловых. Столовая в доме Мотовиловых. Арсений Ильич и Наталья Петровна кончают поздний обед. На столе канделябр со свечами. Фима убирает посуду. Входит Евдокимовна.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арсений Ильич, Наталья Павловна, Фима, Евдокимовна (Во время первого явления Фима то входит, то уходит).

Евдокимовна. Кофе прикажете подать?

Наталья Павловна. Кофе? Нет, няня, подавай лучше прямо самовар. Уж поздно. Подай тут, так чаю хоть сразу напьются.

Евдокимовна. Слава Богу, девятый час. Сонюшка хоть позавтракавши убежала, а вот Андрей-то Арсеньевич с самого что ни на есть утра ни чаю не выпил, ни что, Фимка в булочную только побежала, а он, гляжу, через кухню уже в пальто, и готово дело. Куда? Что? Хоть бы чаю выпил. А теперь и не пообедавши.

Наталья Павловна. Ну, он часто к обеду не приходит. С чаем закусит чего-нибудь.

Евдокимовна. А тут Фимка из булочной бежит: флаги, говорит, везде навешивают по улицам, и спокойствия нет, а дворники между собою гурчат. Я из окна-то выглянула, — действительно, правда, флаги. Что такое, почему? Ясное дело — потому что бунт.

Наталья Павловна. Да ведь говорили тебе, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифест вышел о свободе.² Никакого бунта нет.

Евдокимовна (ехидно). Нету! То-то и видно, что нету. Лавки это позабиты, куру, и то Христом Богом у Иван Федотыча, с ворот ходила, выпросила, а свечей нет и нет, и лампы как не горели, так и не горят. Уж коли бы манифест, так лампы-то первым делом бы зажглись. А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма-то тьмущая. Ясное дело: бунтуют и бунтуют. Тьфу! Чтоб вам на свою голову.

Наталья Павловна. Ты самовар-то носи, поставлен он у тебя?

Евдокимовна. Вот еще, спасибо, вода есть сегодня. А с завтрашнего дня, мне

сам старший говорил, опасайтесь, говорит, очень и очень, потому что по всей видимости будет и забастовка воды.

Арсений Ильич. Да брось ты болтать. Евдокимовна! Говорят тебе — манифест. Что они просили — дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна (всплескивая руками). Дали? Это еще, как свет стоит, не бывало, чтоб бунтовщикам дали бунтовать. Натё, мол, пожалуйста.

Фима (вносит самовар). Дарья Евдокимовна, а поглядить, кажись воду в куфне заперли.

Евдокимовна. Вот оно. Вот он манифест-то. (Фиме). А ты тоже, заперли, заперли... Дверь-то лучше запирай. На лестнице, на черной, торчишь с разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима (обижаясь). Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами-то ругаетесь. С которых это пор бунтовщица да бунтовщица. Я и сама их смерть боюсь. Звали позавчера прислугу в 24 номер, митинка, что ли, какая-то, разговоры, мол, будут...

Евдокимовна (перебивая). Ну да, чтоб против подняться...

Фима. Так я пошла, что ли? Ну их совсем и с митинкой. Страсть и страсть (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ 2

Евдокимовна. Небось доиграются! Нонче, как уж сильно-то взбунтовало их, так Иван Корнеич говорил, на Загородном столько набили, сам он едва в ворота спрятался. Не более как два часа назад и пришел.

Наталья Павловна (взволнованно). Да ну, няня, можно ли такие пустяки? Опять тебе кто-то вздору наговорил. Ничего этого быть не могло. Вон звонят. Верно, Соня.

Евдокимовна. И то, кабы дал Бог, Сонюшка! У меня нынче, как вздумаю о Сонюшке, так ноги и подгибаются, так и подгибаются. А уж насчет Загородного — это как угодно. Это Иван Корнеич собственными глазами видел. Врать не будет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Наталья Павловна и Арсений Ильич.

Наталья Павловна. Правда, хоть бы Соня. Евдокимовна вечно со своими ужасами. И знаешь, что половину выдумает, а все же как-то беспокойно.

Входит генерал. Петр Петрович Львов, в походной форме, за ним Евдокимовна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Наталья Павловна. Пьерушка! Ты как попал?

Генерал. Евдокимовна, рюмку водки генералу и закусок каких-нибудь. Живо!

Евдокимовна. Сейчас, сейчас, батюшка (достает из буфета рюмку и запуску).

Генерал. Объезжал свой район. Был рядом в манеже. Вот и зашел. Два дня не видались.

Арсений Ильич. Ну, расскажи, что знаешь. Ведь мы сидим, никого не видим.

Евдокимовна (держа поднос с закуской). Кушайте на здоровье!

Генерал. Да что тут рассказывать. Никто ничего толком не знает. Вчера

стреляли, а сегодня прячясь, пусть красные флаги гуляют. Да и сегодня стреляли.

Наталья Павловна. Как, сегодня? Так правда стреляли?

Генерал. Да, у Технологического.

Евдокимовна. Говорила я вам, барыня, — старой дурой обозвали (Уходит).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Арсений Ильич. Чепуха какая-то. Ничего не разберешь.

Генерал. Ну, а дети что?

Арсений Ильич. Анюта у нас все суетится. С детьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьвер нашли. Черт знает что.

Генерал. Ну, а невеста?

Наталья Павловна. Да вот пропала. И она, и Андрей Ждали обедать — не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли он со своей Университетской Денницей возился, декадентские стихи писал... а теперь... Тяжело нынче с детьми. Что я могу дать им? Только молнось за них, можно сказать, ежечасно. Уж скорей бы Бог помог Сони-ну свадьбу сыграть. Измучились они оба — и Соня, и Борис.

Генерал. Свадьба, свадьба! Я до сих пор с проклятой консисторией разделаться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь бессребрениками стали, опасаются. Да и некогда мне. Как собаку гоняют,

Арсений Ильич. А Борис что ж не хлопочет?

Генерал. Да где ему? Дни и ночи в охране Вчера я взял, да и хватил письмо владыке. Ведь он уж месяц как обещал мне разрешение дать, а вот ничего.

Наталья Павловна. А Боря как? Ничего бодрый?

Генерал. Вот ты, Наташа, об Андрее говорила. А Боря? Помнишь, как на войну отправляли?³ Все бросил, полетел.

Вот и война прошла. Вернулся, и еще женихом. А война-то его и подкосила.

Наталья Павловна. Ну, не подкосила, а задумчивый какой-то стал. Я это и на Соне замечаю. Господи, да что ж тут удивительного? Вместе ведь они с Соней Мукден⁴ пережили. Я и теперь, как вспомню Сонины рассказы, просто дрожь и ужас. До чего только люди могли дойти!

Арсений Ильич. Решительно не везет Соне с Борисом. Уж, кажется, заслужила счастье (улыбается). Героиня ведь она у нас! Как мы боялись за нее — да не удерживать же насильно. Уехала; образцовая, говорят, сестра милосердия была. Удивительная у женщин устойчивость нерв. Но, однако, и довольно бы, имеет, кажется, право о себе подумать.

Наталья Павловна. До поста-то все равно не успеть. А уж в январе непременно надо бы.

Арсений Ильич. Андрей нас очень беспокоит. Как только забастовка кончится, хотим его за границу отправить. Нечего ему здесь делать.

Наталья Павловна. Да, долго ли до беды. Он все время, как в лихорадке. Может быть там, в нормальной обстановке, хоть немного успокоится.

Арсений Ильич. С ним сладу нет. Ни он нас, ни мы его не понимаем. Я как-то-нибудь Бланка в тысячу раз больше понимаю. Ну, социал-демократ — и социал-демократ. Тут хоть своя научность есть. А чего Андрей хочет — неизвестно. Не то романтизм, не то хулиганство.

Генерал. Что уж это ты только брюзжишь. Парень он у вас хороший.
(Пауза).

Наталья Павловна. Господи, как в этой темноте тоскливо. Когда же они забавку кончат?

Входят Анна Арсеньевна и Евдокимовна.

ЯВЛЕНИЕ 6

Евдокимовна. Уж нельзя без этого. Неровен час. И с крюком-то, и то нет никакого спокойствия. Придут шайкой и сорвут, очень просто.

Наталья Павловна. Это ты, Анюта? А мы думали Соня или Андрей.

Анна Арсеньевна. Что, пропали? Няня уже жаловалась. Дядя Петя. здравствуйте. Ну. с вами нигде не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня пускать не хотела. Кричала, окликала, а потом как начала отмыкать болты... Давно это вы так заператься стали?

Арсений Ильич. Это все Евдокимовна крепость устроила.

Евдокимовна. Они нынче сквозь швейцара проходят. Что швейцар может сделать? Ничего им швейцар не может сделать. А крюк хоть и сорвут, так все не сразу.

Анна Арсеньевна. Пожалуй, и у нас лучше крюк прибить? А у нас швейцар такой глупый. Веселый какой-то и глупый. И вообще...

Наталья Павловна. Да пустяки. Анюта! Евдокимовна уже известная у нас. Какие там шайки будут ходить?

Арсений Ильич. И главное, две недели все болтала. А сегодня утром слышу стук, привела дворников и, действительно, навесила. Ради манифеста. Ей тут объявляют неприкосновенность личности, а она — крюк.

Евдокимовна (сердито). Вот ладно, теперь смеетесь, а как придут эти самые личности, так еще поблагодарите Евдокимовну за крюк (уходит).

ЯВЛЕНИЕ 7

Анна Арсеньевна. Нет, право, мне как-то с нашим замком беспокойно стало. И швейцар невероятно, невероятно вялый. И вообще... Что же, Соня-то, у вас? Давно, что ли ушла? На демонстрацию? Ах, эти демонстрации! Что я пережила, вот и вчера, и третьего дня, и сегодня...

Наталья Павловна (беспокойно). Сегодня? Ты была где-нибудь?

Анна Арсеньевна. Нигде я, решительно нигде не была, и это все Шура. Взяла с него честное слово, что нынче дома останется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непременно они опять передерутся. И все из-за убеждений. И вообще...

Арсений Ильич. По четырнадцать лет мальчишкам, с убеждениями их не справишься.

Анна Арсеньевна. И откуда? Что такое? Близнецы, вместе росли, в одной гимназии учились, — и вдруг... видеть друг друга не могут. Оба крайние! Представить только: Шура революционер, а Вася монархист. Ужас, ужас! Я уж решила, за границу их увезу, в Англию. Это мой долг. И вообще...

Генерал. Ну и долг материнский нынче! Из сыновей англичан делать.

Анна Арсеньевна. А вы злой, дядя, злой! Вам что? У вас все отлично устроивается. Боря отличный, женится в своей же семье, на такой девушке, как Соня...

Не революционер... Вам только радоваться на детей, и вообще... Мне и самой на Сою с Борисом глядеть приятно. Так любят друг друга!

Арсений Ильич. Глядеть-то не на что пока, и Борис давно заезжал, да и Сони все нет. То одна, то с Андреем уходит.

Наталья Павловна. Вот она! Слава Богу!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Соня с Бланком.

Соня. Ну что? Беспокоились? А я по улицам ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Иосифа Иосифовича увидела. Ораторствовал. Меня даже не узнал. Властвовал над толпой. Где уж тут мелкую бумажку приметить? А что, Андрея нет?

Наталья Павловна. Все еще нет. Боюсь я за него.

Соня. Ничего, мамочка, придет. Уж не знаю, что дальше будет, а сегодня хорошо. И погода-то какая была! Первый светлый день. Радостно. Просто не верится. Целый лес красных знамен и никаких войск. Городовые знаменам честь отдают.

Евдокимовна. Знаем честь-то эту. На Загородном отдали. Палили, палили...

Соня. Ах, няня, не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоров? До университета было не добраться. На балконе ораторы, флаги висят.

Генерал. Боря все в охране.

Бланк. А кто-то ухитрился влезть на крышу и привязать красный флаг прямо к кресту.

Наталья Павловна. Как, к кресту?

Соня. Устала я очень, а то бы еще ходила. Кажется, мимо нас скоро пойдут. В предварилку. Хотят политических освобождать. Хороший день!

Наталья Павловна. А мне на тебя смотреть весело. Соня милая. Ты сегодня одна из всех нас простая, светлая. Я девочкой пережила такой день, 19 февраля.⁵ Помнишь, Пьерушка?

Генерал. Ну, много мы понимали тогда, что делалось.

Наталья Павловна. Праздник-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этот светлый день никогда не забуду. Вот и нынче день святой, день свободы, а на душе как-то тяжело. Город темный, мертвый, тут стреляют, там стреляют. Страшно.

Бланк. Да, радоваться-то еще рано.

Арсений Ильич. Ну, перестаньте каркать. Я, по крайней мере, радуюсь.

Наталья Павловна. Евдокимовна, вели самовар разогреть. Иосиф Иосифович, Соня, проголодались?

Арсений Ильич. Всего вам, Бланк, мало. До чего мы все нежизненны и утопичны.

Бланк. Да я вовсе вам не мешаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день, что ж? День свое значение имеет.

Генерал. Ну-с, я иду. Пора. Заморил червячка. Ведь мне сегодня и пообедать не дали.

Соня. Прощайте, дядечка. Боря поцелуйте.

Генерал. Вот даст Бог, забастовка проклятая кончится, так посвободнее ему будет. Прибежит.

Наталья Павловна. Господь с тобой, Пьерушка, не забывай нас. (Идет с генералом в переднюю).

ЯВЛЕНИЕ 9

Бланк. А мне сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не так скоро увидите. Забастовка еще не завтра кончится. Час не пробил. Рано еще пролетариату руки складывать.

Арсений Ильич (спокойно). Скажите пожалуйста! Рано! Чего же еще? Ну, до манифеста, я еще понимаю, я, так сказать, допускаю все эти забастовки; но позвольте, какой же смысл теперь? Уж не говоря о том, что я в принципе враг всякого насилия, откуда бы оно не исходило... А забастовка...

Бланк. В принципе вы еще не допускаете никогда, а на практике — до манифеста. Так?

Арсений Ильич. Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы все нас толкаете, так сказать, на анархию.

Бланк. И при чем тут анархия? А что вам, как и всей буржуазии, много не нужно, — это правда. Пролетариат вытащил вам каштаны из огня, а теперь пусть идет в старую дыру? Ну, не на таковских напали...

Анна Арсеньевна. Опять ссоры и споры. Как эта политика надоела!

Соня. Знаешь, Анюта, я прежде сама так думала. А вот на войне увидела, что значит политика, когда из-за этой самой политики люди зря умирали.

Входит Наталья Павловна.

ЯВЛЕНИЕ 10

Наталья Павловна. А Андрея-то все нет как нет.

Анна Арсеньевна. Как хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны делают, и вообще...

Наталья Павловна. Иосиф Иосифович, он вам ничего не говорил? Вы не знаете, что он сегодня делает?

Бланк. Решительно ничего не знаю. Я его со вчерашнего дня не видел. Мне самому его нужно до зарезу.

Арсений Ильич. Мы с женой думаем Андрея за границу отправить. Что вы на это скажете, Иосиф Иосифович?

Бланк. Отлично сделаете. Уж очень он запсихопатил.

Арсений Ильич. У него есть способности. Ну, если его социалистический вопрос так занимает, пусть поедет на Запад, поучится. Здесь он допрыгается до чего-нибудь. И как это вы все понять не хотите, что без науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Ведь если такое положение дел продлится еще несколько лет — Россия станет прямо варварской страной. Теперь всякий гимназист вместо экзаменов политикой занимается. Политика — дело людей взрослых, уравновешенных...

Бланк. Так, чем молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидят? Ну, да не в этом дело. А насчет Андрея я с вами согласен. Он легко может зря погибнуть, без всякой пользы для дела. В нем сидит неискоренимый декадент-романтик, революционерство старого пошиба. Чисто русская черта. Никакой выдержки. Все хотят сразу, усилием героев. Какой-то обратный аристократизм. Теперь дело не за героями, а за массой. Нужна дисциплина, повседневная черновая ра-

бота. Андрей все-таки барчук и романтик.

Соня. Сложно все это. Мне трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Без порыва, без веры в себя ничего не сделаешь. Себя потеряешь — начнутся будни, серые будни. Андрей человек праздничный. Да и вся Россия из будней теперь вышла.

Арсений Ильич. Нет, Бланк прав. Я с ним во многом не согласен, но мне ясна его мысль, схема. У него, по крайней мере, все на ногах держится. Он признает культурную работу, путь подготовительной организации. У него есть своя философия истории. А у Андрея революционный угар. когда человек не владеет собой, сам не знает, чего хочет.

Соня. Ах, папа, папа! Пускай он хочет того, чего нет на свете. Ведь в этом-то и святость человека, вся его внутренняя правда.

Бланк. Красиво, Софья Арсеньевна, только силы в этой красоте мало. Гораздо легче совершить геройский поступок, чтоб весь мир ахнул, пожертвовать собой и погибнуть, чем исподволь, изо дня в день, добиваться далекой цели. Русские умирать умеют, а жить... жить еще не научились. Андрей или на баррикады пойдет, или впадет в тупое равнодушие. Средины нет.

Соня. Да не вынесет русская душа никакой седины!

Бланк. Ну вот, вот, я ж это и говорю. А вся история-то, может быть, и есть середина!

ЯВЛЕНИЕ 11

Андрей, из другой комнаты Евдокимовна.

Соня. Андрей! Смотрите, мама! Вот он. Мы и звонка не слышали.

Евдокимовна. Да это он по черному ходу. Батюшки святители! Да кто им отворил-то?

Андрей. Никто не открывал. Там отперто.

Евдокимовна. Фимка-то. Фимка-то где? Господи-батюшки, в гроб с этой девкой сойти. Ну уж я ее, со дна морского выищу!

Наталья Павловна. Постой, няня, погоди, дай лучше Андрей Арсеньевичу поесть чего-нибудь. Ты ведь закусишь, Андрюша?

Андрей (сажая за стол). Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна. Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей (Бланку). Ты здесь. Мне тебя надо.

Бланк. И мне тебя. Зайди ко мне завтра утром.

Андрей. Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланк. Нет, пойду. А мы тут тебя ругали. Романтик ты и больше ничего.

Андрей. Ну, знаем мы это. Старая песня. Надоело.

Бланк. Опять в психопатии?

Андрей. Нисколько не в психопатии, а от твоей «благоразумной разумности» душу воротит.

Бланк. Эх ты, юнец!

Анна Арсеньевна (к Бланку). Вы к Невскому? Пойдемте вместе. Ну, прощайте, до свидания. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна. Прощай, матушка. А с детками-то ты поостроже (уходит, разговаривая). Нынче пошла мода родителей ни во что не ставить...

ЯВЛЕНИЕ 12